

С тех пор дни Ли Чанъгэ потекли размеренно и привычно. Каждый день он приносил Канси еду, спарринговал с ним, читал книги — жизнь стала на редкость приятной, а дворцовая стража, евнухи и служанки относились к нему с величайшим почтением.

Он был достаточно разумен, чтобы не маячить перед глазами вдовствующей императрицы, предпочитая держаться подле императора. Теперь ему редко приходилось падать на колени и бить челом, мысли его прояснились, и он больше не стремился во что бы то ни стало покинуть дворец.

Канси оказался довольно прост в общении: вечно тянул его вместе пить, есть и развлекаться, а если находил что-то стоящее, первым делом вспоминал о нем, отчего Ли Чанъгэ порой становилось даже неловко.

Время пролетело незаметно, прошло пять лет. Ли Чанъгэ исполнилось семнадцать, он был уже почти взрослым юношей. Его лицо, бледнее, чем у девушки, отличалось четкими, выразительными чертами, а под густыми бровями скрывались глубокие, притягательные персиковые глаза — стоило взглянуть в них чуть дольше, как можно было нечаянно потерять голову. Высокий нос и губы идеальной формы всегда были тронуты легкой улыбкой.

Статный и красивый, Ли Чанъгэ окончательно возмужал, то и дело заставляя служанок краснеть и робко отводить взгляд. Он стремительно вытянулся, и еще до семнадцатилетия его рост перевалил за метр восемьдесят, причем, судя по всему, это был не предел.

Иногда Канси даже завидовал тому, что Ли Чанъгэ выглядит еще эффектнее него, и в шутку спрашивал, не принимал ли тот какие-нибудь тайные чудодейственные снадобья.

Чудодейственных снадобий не было, зато было вдоволь воды из духовного источника.

Ли Чанъгэ открыл закономерность: духовная эссенция конденсировалась крайне медленно — всего по капле в год. За пять лет набралось пять капель, до обидного мало.

С тех пор как он возглавил Управление императорских кухонь, он лично отвечал за питание юного императора. Каждый суп, который он готовил, был сварен на воде из источника. Канси относился к нему со всей душой, а Ли Чанъгэ не был неблагодарным — разумеется, он хотел отплатить той же монетой.

Больше всего у него было именно этой воды. Использовать ее в готовке было идеальным решением: полезно, питательно, вкусно, а главное — никто не догадается о секретном ингредиенте. Двух зайцев одним выстрелом.

Трижды в день на столе почти всегда был суп. Иногда они обедали вместе, и Канси неизменно выпивал все до последней капли.

Даже привыкший к изысканным деликатесам император не мог не задаваться вопросом, как приготовлен этот суп, ведь вкус был совершенно не похож на то, что подавали раньше.

После еды он чувствовал прилив бодрости, и усталость от бесконечных государственных дел отступала.

Ли Чанъгэ отговаривался тем, что перенял рецепт у главного повара. Мол, всем, что у него есть, он обязан Его Величеству, и, не имея возможности отплатить иначе, он решил хоть немного побаловать императора своей готовкой.

Конечно, это была чистая правда. Воду из источника нельзя было доверять другим, поэтому суп он обязан был готовить сам.

Узнав, что Ли Чанъгэ готовит лично, Канси был глубоко тронут. Он расхваливал его мастерство, заявляя, что никогда не устанет от этого вкуса, щедро одаривал золотом, драгоценностями и повышал в должности.

Из евнуха пятого ранга Ли Чанъгэ дослужился до управляющего третьего ранга и главного евнуха Управления кухонь. Должность росла, но его это мало волновало — в конце концов, какая разница, насколько высок чин, если ты все равно евнух?

К тому же, по факту, он не был настоящим евнухом.

Он мог оставаться во дворце лишь потому, что время от времени умудрялся улизнуть в город: погулять, выпить вина. Однажды, обуреваемый любопытством, он даже заглянул в знаменитый столичный дом терпимости, но лишь слушал музыку, смотрел танцы и потягивал вино — больше ничего.

До сих пор он оставался девственником: он не хотел отдавать свое первое «я» в таком месте.

Ли Чанъгэ вовсе не презирал обитательниц борделей, просто мечтал провести этот момент с любимым человеком. Он не был похотливым жеребцом и умел держать себя в руках.

Канси знал, что Ли Чанъгэ частенько сбегает из дворца, но делал вид, что не замечает, и часто просил рассказывать, как там снаружи, хорошо ли живут люди и не притесняют ли их знатные вельможи.

Каждый раз Ли Чанъгэ не мог не признать: Канси действительно рожден быть императором — мудрым правителем, который печется о народе.

В этот день Ли Чанъгэ, как обычно, пришел доставить обед. Позади него шагали четыре маленьких евнуха с подносами в руках.

— Ваше Величество, пора обедать, — крикнул он, стоя за дверью, и, не дожидаясь ответа, вошел внутрь. Увидев Канси, который сидел на троне, углубившись в изучение докладов, он улыбнулся.

Канси отложил бумаги и поднялся, направляясь в боковую залу для отдыха:

— Ты как раз вовремя, я проголодался. Что там сегодня вкусенького? Выставляй скорее.

Канси был крепок и статен. На нем был повседневный халат золотисто-черного цвета с вышитым девятикогтистым драконом, на поясе висел нефритовый кулон. Густые брови, пронзительный взгляд черных глаз, прямой нос и тонкие губы — все в его облике дышало благородством и величием.

Нынешний император сильно отличался от прежнего: в нем чувствовалась истинная власть, и даже без гнева он внушал трепет.

Впрочем, с другом детства Канси никогда не пытался давить своим статусом. Рядом с Ли Чанъгэ он всегда был расслаблен.

Ли Чанъгэ расставил двенадцать блюд, заполнив весь стол, и приготовил приборы.

— Сегодня к императорскому столу подают ананас с запеченным гусем, тигровые кости в соусе, суп из медвежьей лапы, плавники акулы с хвостом феникса, запеченный в красном горне десерт, суп из омара...

Услышав этот список, Канси почувствовал, что готов съесть две чашки риса.

— Хватит перечислять, я еще больше проголодался! Садись, садись скорее, поешь со мной.

Ли Чанъгэ бросил взгляд на стражников и евнухов, дежуривших снаружи, и замялся:

— Э-э... Ваше Величество, это не совсем подобает.

— Сказал тебе, Сяо Сюаньцзы, садись и ешь, значит, садись! Кто посмеет что-то сказать? — Канси властно усадил его на соседний стул и приказал евнуху принести еще приборы.

— Ну ладно, ладно, — Ли Чанъгэ потер кончик носа и налил Канси супа. — Попробуй, как тебе сегодняшний?

Сегодня он не пожалел сил: добавил полкапли духовной эссенции в суп из омара на воде из источника. Аромат разнесся на десять ли, вызывая обильное слюноотделение. Если бы Канси в

последнее время не выглядел таким изможденным, Ли Чанъгэ ни за что не стал бы тратить такую драгоценную и медленно растущую эссенцию.

Канси, давно предвкушавший трапезу, без церемоний поднес чашу к губам. Сделав глоток, он широко раскрыл глаза и, отложив ложку, принялся пить большими глотками. Маленькая чашка опустела за считанные мгновения.

Затем, не удовлетворившись, он налил себе еще.

Чашка за чашкой — Ли Чанъгэ заерзал на стуле, словно на иголках.

Черт возьми, да где же этот евнух с приборами?!

— Ваше Величество, оставьте и мне хоть немного! — Ли Чанъгэ перехватил руку Канси, который собирался налить очередную порцию. Он сам еще не пробовал суп с эссенцией, а Канси почти всё выпил.

В этот момент наконец вернулся евнух с приборами. Ли Чанъгэ, забыв о всяком этикете, выхватил у него чашку и палочки, но, повернувшись к столу, замер.

Пусто. Не осталось ни капли. Всё выпил Канси.

— Сяо Сюаньцзы, ну ты вообще ничего мне не оставил... — Ли Чанъгэ с обиженным видом вздохнул и опустил на стул.

Канси, довольный и сытый, вытер рот шелковым платком и с торжествующей улыбкой произнес:

— Кто тебе виноват, что ты такой медленный? Сам виноват. Я наелся, остальное доедай.

Что тут поделаешь? Император включил режим самодура. Ли Чанъгэ мог лишь выразительно посмотреть на него и приняться за оставшиеся одиннадцать блюд.

Чувствуя, что одержал маленькую победу, Канси, который последние дни ходил мрачнее тучи, наконец улыбнулся.

Ли Чанъгэ проглотил кусок и, взглянув на него, спросил:

— О чем ты грустишь в последнее время? Ходишь вечно с таким лицом.

Улыбка исчезла, и Канси серьезно ответил:

— Эх, этот негодяй Обой... Он поднял мятеж. Я пощадил его, но у него столько сообщников, что боюсь, рано или поздно они поднимут голову и снова устроят бунт. Это было бы крайне скверно.

Ли Чанъгэ отложил палочки, соглашаясь с его словами:

— И то верно. Я тогда проделал в нем пять или шесть дыр, думал, он не выживет, а он оказался живучим. Повезло ему.

— Я тоже так думал, поэтому и сохранил ему жизнь. Кто же знал, что он такой крепкий — пять лет прошло, а он всё недохнет. Знал бы я...

Канси жалел о своем решении, но теперь сожаления были бесполезны. Нужно было искать выход.

— Только что приходил Кан-ван, докладывал, что тот мерзавец целыми днями орет и несет всякий бред, — понизив голос, добавил Канси. — Он утверждает, будто я отравил его чай, пытаюсь извести.

— Хм? Чепуха какая. Это я его отравил, а не ты! Ты — истинный Сын Неба, как ты мог заниматься такими низостями? — Ли Чанъгэ нахмурился. — Почему Обой решил, что это сделал император?

— Об этом, кроме Обоя, знали только ты да я.

Если только...

Не успел Ли Чанъгэ додумать, как Канси вскинулся. Они переглянулись и в один голос произнесли:

— Кто-то распространяет слухи!

Канси вдруг понял, почему раньше об этом не было ни звука, а в последнее время поползли шепотки, мол, он использует подлые методы, недостойные правителя, и теряет добродетель.

Хотя это была идея Сяо Гуйцзы, в конечном счете, именно он дал добро. Последние дни он только и делал, что ломал голову, как заткнуть всем рты.

— Сяо Гуйцзы, как ты думаешь, кто может клеветать на меня за спиной? — спросил Канси.

Врагов у него было предостаточно, и вычислить конкретного человека было непросто.

— Я никогда не интересовался политикой и ничего в ней не смыслю, — ответил Ли Чанъгэ. — Может, это сообщники Обоя?

Другие силы он называть не стал — евнух, не покидающий дворец, не должен знать слишком много.

Канси задумался, но тоже не нашел ответа.

— Я прикажу провести тайное расследование.

Помочь в этом Ли Чанъгэ не мог, и Канси поручил ему другое дело:

— Сходи в поместье Кан-вана, посмотри, когда этот мерзавец наконец окочурится.

— Будет сделано! Если хочешь знать мое мнение, он не доживет и до полуночи.

Ли Чанъгэ ободряюще подмигнул Канси и снова взялся за палочки, чтобы набить желудок — кто знает, удастся ли поесть вечером.

<http://bllate.org/book/19451/1907806>